

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ЭНЕОЛИТА БОЛЬШЕРАКОВСКОЙ II СТОЯНКИ

В 1980-е гг. на р. Сок в Красноярском районе Самарской области была исследована II Большеераковская стоянка. Хронология памятника определена материальным набором комплексов эпохи неолита - энеолита. Энеолитический период представлен поздним - волосовским и гаринским типами и ранним - хвалынским и "воротничковым" типами. Раннеэнеолитический комплекс очень невелик и содержит фрагменты нескольких сосудов (Барынкин, Козин, 1991. С.100-102) (Рис. 1, 1-4, 5), которые в Самарском Заволжье стали известны после исследований Съезженского и Хвалынского I могильников.

Характерные признаки "воротничковых" сосудов - уплощенные утолщения на внешней стороне венчика - воротнички, небольшие плоские днища и сложные фигуры, составленные сочетанием прочерченных линий и оттисков зубчатого штампа в "шагающем" приеме. "Воротничковый" комплекс стоянки представлен несколькими фрагментами от двух - трех сосудов, орнаментированных оттисками зубчатого и гладкого штампа (Рис. 1, 2-4). Второй комплекс раннего энеолита стоянки представлен двумя сосудами хвалынской культуры. В отличие от плоскодонных "воротничковых" хвалынские сосуды имеют округло-конические днища, утолщения различной формы на венчиках. Один из них - сосуд среднего размера, имеет большой диаметр по срезу венчика, его орнамент образован наклонных оттисков зубчатого штампа по внешней стороне венчика (Барынкин, Козин, 1991. С.100-102. Рис. 1, 6). Второй сосуд небольшого размера более выразителен, он имеет обычную для хвалынских горшков форму: широкое тулово со стянутой шейкой, отогнутый наружу утолщенный венчик и округло-коническое днище. Стенки сосуда довольно тонкие, керамическая масса имеет обильную примесь измельченной раковины. Цвет внешних и внутренних поверхностей стенок серовато-желтый (Рис. 1, 1).

При традиционно хвалынской форме этого горшка, в его орнаментальном оформлении, выполненном оттисками короткого зубчатого штампа, отмечается отчетливая связь с орнаментальными традициями "воротничковых" сосудов. Его орнаментальная композиция составлена сочетанием наклонных оттисков штампа по внешней и внутренней стороне венчика и "шагающих" в сочетании с прочерченными линиями, образующими композицию из горизонтальной и волнистой полос на центральной части композиции на тулове сосуда. Полоса меандра соче-

тается с вертикальным мотивом, составленным прочерченными линиями в сочетании с короткими наклонными. Нижняя часть композиции, на дне сосуда, состоит из горизонтальных оттисков зубчатого штампа разделенных на сегменты волнистыми вертикальными линиями. Объединение культурно различных морфологических и орнаментальных характеристик на одной форме делает данный сосуд экстраординарным явлением. Отметим, что вертикальный мотив не встречен на местной энеолитической посуде. В энеолитических материалах Самарского Заволжья этот сосуд пока выглядит исключением. Также очевидно, что воединение орнаментальных мотивов хвалынской и "воротничковой" керамики стоянки возникло как результат реального взаимодействия носителей этих культурных комплексов, а малочисленность таких материалов на стоянке усиливает взаимную обусловленность этих типологических групп.

Следует подчеркнуть, что аналогичная взаимосвязь "воротничковой" и хвалынской посуды по орнаментации отмечена на юго-западе доново-волжского ареала. На керамике комплекса слоя 3 стоянки Раздорское имеются близкие сочетания, включая и близкий вертикальный мотив (Кияшко, 1994. С. 91. Рис. 5, 1). При этом к западу от Дона, в бытовых и погребальных памятниках, где отмечена "воротничковая" традиция, орнаментальные мотивы из сочетаний прочерченных полос и оттисков зубчатого штампа, т.е. наиболее характерные для доно-волжских комплексов, не фиксируются.

Такая корреляция делает необходимой постановку вопроса об условиях появления этой орнаментации в степном Поволжье. Отсутствие такой орнаментики в предшествующий период позволяет искать причины и условия ее появления в процессах более широких территориальных и культурных масштабов, а именно в особенностях культурных связей за пределами волжского и, шире, доно-волжского, ареала.

Первая такая попытка принадлежит А.Е.Астафьеву, который обратил внимание на сходство орнаментации "воротничковой" посуды степной Волги с орнаментацией керамики земледельческих культур балканно-древневосточного мира. Эти наблюдения он использовал для аргументирования гипотезы о генезисе хвалынской культуры на основе "воротничкового" культурного типа, носители которого принесли его в степи Поволжья. По его мнению, появление мигрантов в Поволжье стало решающим условием генезиса хвалынской культуры (Астафьев, 1998. С. 155). Эвристическая значимость этой посылки применительно к характеристике процессов Доно-Волжского ареала очевидна. Однако отсутствие убедительных аргументов обязательного предшествования "воротничковых" комплексов хвалынским позволяет использовать менее

противоречивое условие их взаимного соотношения, а именно их синхронность, что более соответствует реальному состоянию источников. Это позволяет сузить поиски индикаторов территориально культурных связей волжского ареала с земледельческими ареалами, ограничившись хронологическими рамками хвалынской культуры. В этом случае связи по орнаментальным признакам энеолитических культур степной Волги и Дона и Триполья, где с раннего периода присутствуют различного рода орнаментальные мотивы в виде волют, меандров и т.п., обычны и выполнены в том числе в прочерченной и штампованной технике.

В литературе характеристика этого направления связей имеет довольно устойчивую и аргументированную традицию, отраженную сопоставлением металлических изделий Хвалынского I могильника (Рындина, Равич, 1994), отмеченным в трипольском ареале, ранним появлением зубчатой орнаментации (Формозов, 1978, С. 76), а также трипольским сосудом из Никольского могильника (Телегин С.23.). Этот ряд подтверждений связей между ареалами Триполья и мариупольских некрополей Поднепровья и Приазовья дополняет специфическое украшение из клыка кабана, зафиксированное западнее Прута (Пассек, С.32. Рис.3, I, 10, 11). Разнообразие схожих с трипольскими орнаментальных мотивов, отмечаемое на окраине юго-восточной Европы и совершенно не отраженное в ареале мариупольских могильников Поднепровья, при их явной связи с западными трипольскими, ставит вопрос определения этих различий.

В историографии генезиса населения надпорожского неолита отчетливо выражено положение о его северных корнях (Столяр, 1961. С.39, 46). Значение этой генетической особенности проявляется в смене культурно-антропологических характеристик предшествующего мезолитического периода, которые определялись принадлежностью надпорожского мезолита к кругу южных культур. Одним из следствий таких изменений можно полагать смену связей в каспийско - черноморских степях, где в предшествующий раннеэнеолитический период можно отметить черты некоторой близости культурно-исторического характера. Это выразилось в некоторых признаках, сближающих орнаментальные традиции наборов буго-днестровских памятников на западе территории и каиршакско-тентексорских на востоке. Условия последующего культурогенеза нео-энеолитического периода в этом случае определены сохранением и усилением культурной значимости традиционных связей степных групп населения Дона и Волги с западными группами.

Данные сопоставления актуализируют вопрос о характере связей населения степного Заволжья и Правобережной Украины. Здесь необходимо опять коснуться построения А.Е.Астафьева, который высказал

предположение о миграции групп южного населения в степное Заволжье, что явилось катализатором хвалынского культурогенеза (Астафьев, 1998. С. 155). Как я уже отмечал, эволюционная посылка здесь не обязательна, в то время как постановка проблемы миграции в ранние эпохи, будучи чрезвычайно актуальной, затруднена нынешним состоянием источников степной периферии юго-восточной Европы. Миграции в степных территориях юго-восточной Европы сложно документироваться и в гораздо более позднее время, в отличие от регионов Древнего Востока с их более интенсивной культурной динамикой, где археологические свидетельства позволяют наблюдать появление, расселение и особенности взаимодействия пришельцев и местного населения (Титов, 1982). Однако характер проявления "воротничковой" посуды в хвалынском ареале, определяемый А.Е.Астафьевым как разновидности миграции третьего типа по типологии В.С.Титова (Астафьев, 1998. С. 153), представляется вполне оправданным, т.к. в основной части эта разновидность миграций характеризуется взаимной обусловленностью местной и пришлой культур, выступающих изначально в смешанном виде (Титов, 1982. С. 142 – 143). Именно такая взаимная обусловленность выступает важнейшей характеристикой соотношения основных и синхронных культурных групп раннего энеолита: хвалынской и "воротничковой". Эта взаимная обусловленность проявляется в близкой традиции оформления утолщений на венчиках и некоторых общих орнаментальных мотивах. Поэтому целесообразнее говорить о специфике связей, которая определена ограниченными перемещениями представителей культурно различных групп по обширным волго-донским территориям. Такие перемещения регламентировались механизмами, регулировавшими взаимодействие культурно различных групп, в первую очередь брачными обменами. Результатом такого взаимодействия стало формирование смешанных комплексов сочетающих исходные культурные признаки. Один из самых известных комплексов этого порядка - съезженский, составленный двумя основными группами керамики, местной неолитической (Рис 5, 6) и "воротничковой". Последняя делится на две подгруппы, одна из которых объединяет признаки "воротничковой" и местной неолитической (Рис.2, 3, 4). Другая подгруппа посуды с "воротничками" представляет самостоятельную технологическую и культурную традицию "воротничкового" оформления, включая ее наиболее яркий орнаментальный признак - фигуры из сочетаний оттисков зубчатого штампа и прочерченных линий (Васильева И.Н., 1999. С. 200), т.е. именно ту разновидность, которая отмечается по всему волго-донскому ареалу (Рис. 2, 1, 2).

Рис. 1. Ранненеолитическая керамика Большеграховской II стоянки

Вопрос об изначальной локализации носителей "воротничковой" традиции затруднен тем, что этот тип представлен стабильно малочисленными выборками по всему региону, включая его южную часть, т.е. этот тип не представлен эволюционным рядом. Тем не менее, если предполагать их южную (или юго-западную) локализацию в пределах нижнего течения Дона, это будет соответствовать установленным связям "воротничкового" типа с локальными неолитическими культурами среднего течения Дона и юга лесостепного Заволжья, где формируются смешанные комплексы.

Список литературы:

Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследования II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994.

Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений. М.- Л., 1949.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Химико-технологическое изучение медных изделий Хвалынского могильника // Методы естественных наук в археологии. М., 1994.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Столяр А.Д. Об исторических корнях культуры надпорожского неолита // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Формозов А.А. Этнокультурные области каменного века. М., 1978.

Вопрос о локализации носителей "воротничковой" традиции является одним из наиболее актуальных в настоящее время. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к работам А.Е. Астафьева, который высказал

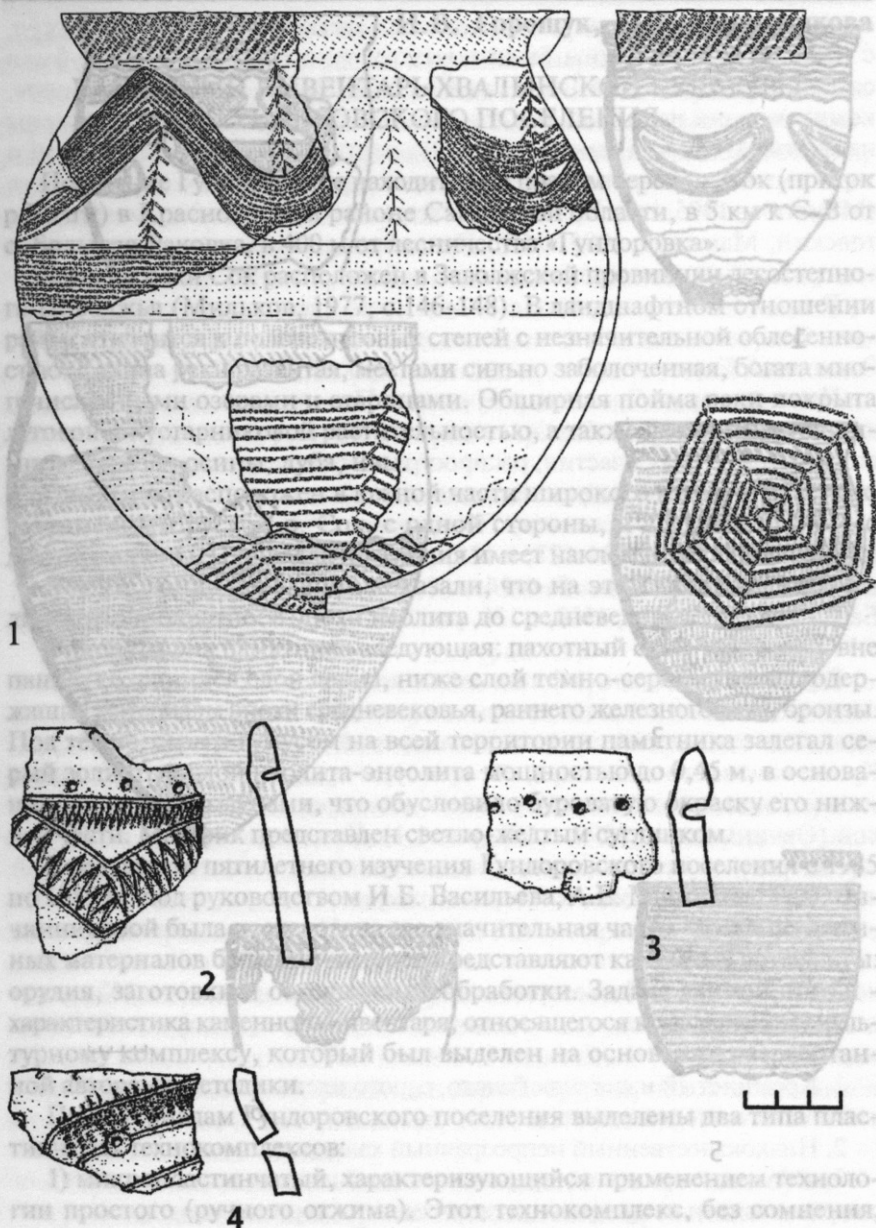

Рис. 1. Раннеэнеолитическая керамика Большераиковской II стоянки

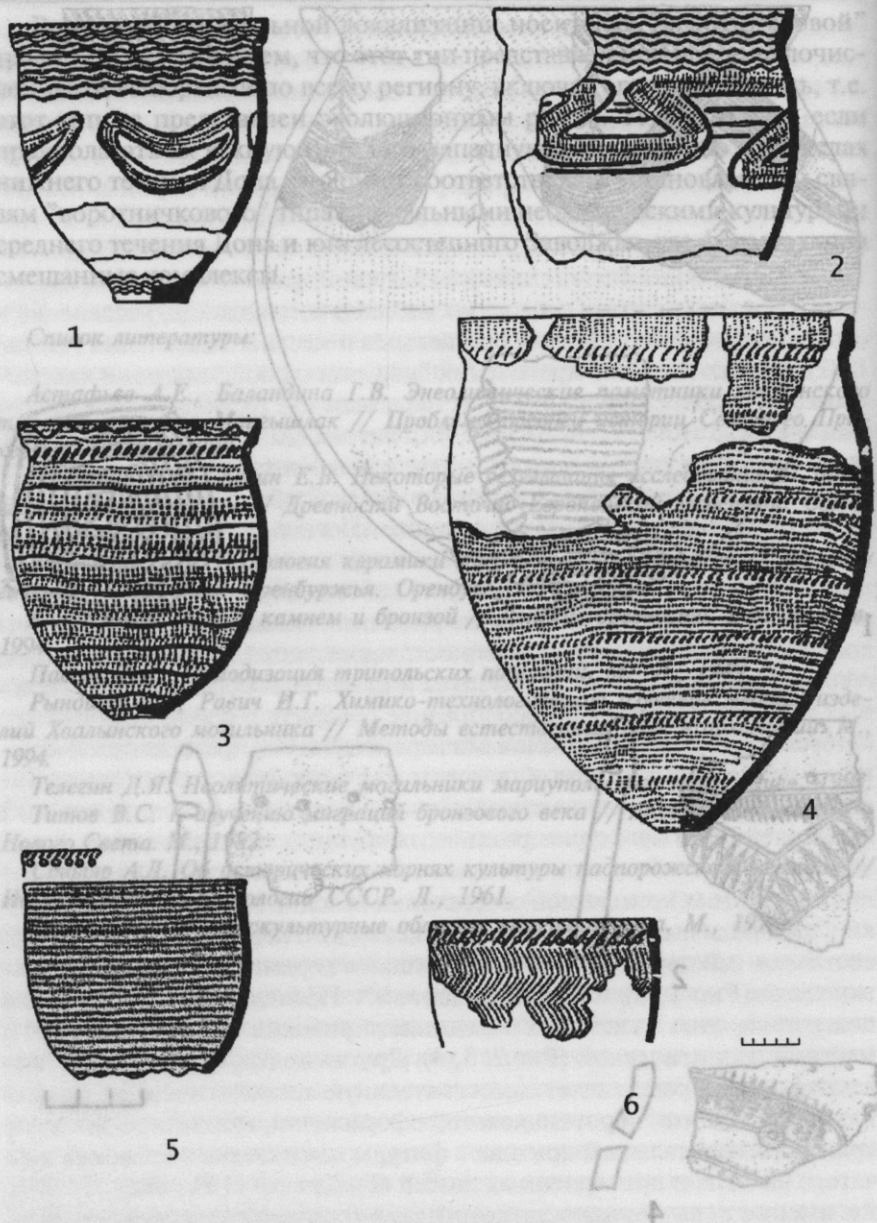

Рис. 2. Керамика могильника у с. Съезжее